

МЕДВЕДЕВА Л. М.

ТИПЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ И СЕМАНТИКА ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

Проблема мотивации в лингвистике самым тесным образом связана, во-первых, с подходом к языку как знаковой системе особого рода и, во-вторых, с рассмотрением слова как основного знака языка, структурно и социально обусловленного. Понятие «мотивация» (в лингвистическом смысле) восходит к постулатам древнегреческой философии и непосредственно связано с установлением природы названия, отражающей характер связи между именем вещи и самой вещью. Таким образом, это понятие изначально связано с номинацией, с анализом механизма формирования в языке обозначения разных фрагментов познаваемого человеком окружающего мира.

Анализируя философские работы Л. Фейербаха, В. И. Ленин одобрительно отозвался («bien dit») о следующем высказывании немецкого философа: «Чувственное восприятие дает *предмет*, разум — название для него... Что же такое название? Отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности» [1]. Такой отличительный знак, признак обозначаемого предмета, лежащий в основе его названия и указывающий на связь структуры номинации с обозначаемым номинатом, принято рассматривать как внутреннюю форму, или мотивированность языкового знака¹. Восходящее к В. фон Гумбольдту разграничение внутренней и внешней формы в языке находит развитие в работах отечественных ученых, прежде всего А. А. Потебни [6], а также ряда советских ученых.

Известная современной теории номинации общая типология мотивированности номинации включает такие оппозиции, как мотивированные / немотивированные, абсолютно / относительно, полностью / частично, прямо / косвенно мотивированные номинации [7, с. 274—278].

Особое место понятие мотивации занимает в словообразовании, выделяющемся на современном этапе развития лингвистической теории в самостоятельную дисциплину, с одной стороны, связанную с грамматикой и лексикологией, а с другой, располагающую собственным понятийным аппаратом, объектом исследования и законами. Выполнение номинативной функции производными словами, вторичными единицами языка, являющимися объектом изучения словообразования, осуществляется не прямо, а через посредство лежащих в их основе первичных языковых единиц. Исходное слово и производное слово соотносятся как мотивирующее и мотивированное. Установление характера и сущности мотивационных отношений во вторичной единице языка представляет собой важную часть

¹ О различных определениях понятия мотивации в лингвистике и употреблении терминов «мотивация» и «производность» см. [2—5].

словообразовательного анализа, т. к. обеспечивает проникновение в семантику производного слова, выявление наличия / отсутствия так называемых «приращений» и «надбавок», «фразеологичности» их семантики, установления особенностей словообразовательного значения производного слова. Понятие словообразовательной мотивации вполне логично поэтому рассматривается как занимающее центральное место в теории словообразования. Мотивированный характер лексического значения производных слов обуславливает их особое место в корпусе номинативных единиц языка.

Отношения словообразовательной мотивированности, свойственные вторичным единицам языка, выступают как проявление обусловленности одной языковой единицы другой в формальном и семантическом отношениях. Вполне справедливым представляется то, что отношения типа «врач — лечить», «обслуживать — клиент», связывающие слова в семантическом плане, но не подкрепленные формально, не признаются достаточным основанием для отнесения слов в ряд единиц, связанных собственно словообразовательными отношениями [8, 9].

Анализ семантики слов различных словообразовательных моделей, в морфологической структуре которых фиксируются те или иные мотивационные отношения, свидетельствует, во-первых, об обусловленности их номинативных особенностей характером их словообразовательной мотивированности (это проявляется через посредство их формальных и семантических связей с другими словами, лежащими в их основе) и, во-вторых, о возможности сведения словообразовательных мотиваций к конкретным типам, свойственным целым группам производных слов.

Производные слова, образующиеся в результате суффиксальной деривации, являются универбами. Это не означает, однако, что все они характеризуются однотипным механизмом мотивации. В известных в словообразовании теориях мотивации основное внимание уделяется, как правило, лексической семантике мотивирующего слова, а также особенностям его формальной связи с производным. Мотивация, ориентирующаяся на собственно мотивирующее слово, называется простой. С точки зрения формальной связи с мотивирующим словом она может быть одновременно непосредственной, если само мотивирующее слово — непроизводное (*учить* — *учитель*; англ. *teach* — *teacher*), или опосредованной, если мотивирующая единица — производное слово (*читать* — *читабельный* — *читабельность*; англ. *read* — *readable* — *readability*). С точки зрения смысловой связи производного и мотивирующего слов мотивация может быть прямой, когда производное выявляет связь со смыслом мотивирующих слов в их собственно-номинативном плане, и переносной, или косвенной, когда семантика производного ориентирована на образное, коннотативное значение исходного слова. Прямая мотивация называется также понятийной, а переносная — метафорической (русск. *небоскреж*; англ. *sky-scraper*). Простые мотивации могут быть единственными и неединственными, или множественными (*невероятный* — *вероятность* — *невероятность*; англ. *incredible* — *credibility* — *incredibility*)². При этом задачей словообразовательного словаря языка считается исчерпывающее описание всех слов, имеющих более чем одну мотивацию, в то время как характеристика всех типов мотивации, существующих в словообразовательной системе языка, формулируется в качестве задач грамматики [11, с. 135].

² Подробнее о названных типах мотивации, выведенных применительно к производным русского языка, см. [10—16].

Установление всех названных типов мотивации, как нетрудно убедиться, основывается на характере формально-семантических связей собственно исходного и производного слов как самостоятельных языковых единиц. С учетом именно этих отношений мотивирующего и мотивированного слов дается и определение понятия словообразовательной мотивации в «Русской грамматике»: «С л о в о о б р а з о в а т е л ь н а я м о т и в а ц и я — это отношение между двумя однокоренными словами, значение одного из которых либо а) определяется через значение другого..., либо б) тождественно значению другого во всех своих компонентах, кроме грамматического значения части речи...» [11].

Следует обратить внимание на возможность употребления термина «мотивация» не только для обозначения отношений, связывающих исходную и производную единицы, но также и для обозначения самих языковых единиц — носителей мотивационных отношений. Теория мотивации, как и теория номинации, ориентирована на ономастиологию. Если номинация исследует главным образом вопрос, «как объекты получают названия» [7, с. 238], то мотивация изучает, как формируется семантика производного слова, в чем состоит роль исходных единиц в формировании номинативной сущности вторичных единиц языка, какую роль выполняет исходное, непосредственно мотивирующее слово в конституировании семантики производного.

Анализируя приведенное выше определение словообразовательной мотивации, учитывающее лексическую семантику собственно (формально) мотивирующего слова, с этой точки зрения, можно говорить о ее узком понимании. Поскольку итогом словообразовательных актов является создание знаков-названий, то сам процесс словообразования правомерно рассматривать как процесс превращения знаков-сообщений в знаки-названия [17]. Словообразовательное истолкование производного слова оказывается связанным с представлением его смысловой структуры такой дефиницией, которая включает в качестве своей составной части мотивирующее слово, занимающее в дефиниции определенную синтаксическую позицию [17, с. 15], реализующее те или иные синтагматические связи, что, в свою очередь, требует более широкого понимания словообразовательной мотивации. Обращение не к одному лишь мотивирующему слову, а к высказыванию, его включающему, позволяет яснее представить семантику производного слова, выявить семантические различия однокоренных образований, относящихся к одной части речи, особенности их лексико-семантического варьирования.

Так, различия в семантике английских производных существительных, называющих лицо — объект действия, можно представить как обусловленные различиями модальных значений мотивирующих их суждений, включающих общий для данных производных исходный глагол *employ*: *employee* «one who is employed»; *employable* «one who can be employed». Различия значений производных *reader*₁ и *reader*₂ также становятся ясными только при обращении к мотивирующим их суждениям, включающим один и тот же исходный глагол: англ. *reader*₁ «person who reads»; *reader*₂ «textbook which can be read in class». Анализ семантики не только отглагольных существительных, но и других классов производных на синтаксической основе, например, отглагольных прилагательных, также требует анализа особенностей предиката и его дополнений и обстоятельств: англ. *justifiable* «that can be legally or morally justified»; *killable* «capable of being killed (esp.) legally».

Важным для теории мотивации представляется также тот факт, что

языковыми единицами в качестве носителей мотивационных отношений могут выступать как лексические, так и грамматические единицы. Лексические единицы обладают самостоятельной функцией номинации, в то время как грамматическим средствам свойственна несамостоятельная, связанная функция номинации [7, с. 236]. Следовательно, с точки зрения внешней формы реализации мотивационных отношений мотивации также могут быть разделены на самостоятельные и несамостоятельные или, точнее, самостоятельные и смешанные. Последний способ мотивации находим, например, у английских производных существительных, прилагательных и наречий, предикат мотивирующего высказывания которых выражен переходным глаголом в пассивном залоге: англ. *addressee, foundling, readable, trustworthy, allegedly* (подробнее см. [18]).

Варьирование источников деривации по уровневому статусу (слово — словосочетание — предложение) непосредственно связано со степенью эксплицитного выражения содержания мотивации (одной или нескольких единиц) в словообразовательной структуре производных, которые с этой точки зрения будут характеризоваться разной степенью мотивированности. Расхождение формальной и семантической мотиваций имеет место также в производных, которым свойственна множественность мотиваций, однако не только лексического, но и грамматического характера. Примерами могут служить абстрактные имена действия — производные переходных глаголов, — характеризующиеся сохранением актантов исходного предиката и способностью выражать значения обоих залогов — активного и пассивного, — оставаясь формально немаркированными в залоговом плане, например: *чтение — чтение книги и чтение мальчика*; англ. *conquest — Caesar's conquest и Gaul's conquest*. Причина нерасчлененности залоговых значений подобных существительных состоит в их способности номинализировать действия, выраженные глаголом в активном и пассивном залогах. Иначе говоря, формально одно и то же существительное, реализующее активное залоговое значение, имеет в качестве источника мотивации глагол в активном залоге, в то время как глагол в пассивном залоге выступает в качестве источника мотивации существительного, реализующего пассивное залоговое значение. Правильность вывода о двумотивированности отглагольных существительных по залогоу подтверждается особенностями существительных в тюркских языках, где существует два способа выражения объектного значения при отглагольном существительном: 1) сочетание существительного от пассивного глагола с родительным падежом и 2) сочетание имени от активного глагола с винительным падежом. Например, в узбекском языке отглагольное существительное может употребляться не только в активной, но и в пассивной форме: *ўқилиш* «чтение» — от *ўқилмок* «быть читанным». Введение в отглагольное существительное показателя пассивности возможно также в болгарском и македонском языках [19].

Асимметрия формальной и семантической мотиваций, обусловленная невыраженностью какого-либо компонента мотивационной структуры в формальной структуре деривата, может быть своеобразным следствием лексико-грамматического значения непосредственной мотивации. Так, при отыменном словообразовании может иметь место инкорпорация предметных значений в семантику производного глагола, ведущая к усложнению его ролевых характеристик, поскольку инкорпорируемое производным глаголом предметное значение содержательно соотносится с его ролью в семантической структуре включающего его предложения, например: *платить* (факитив). *асфальтировать* (материал), *ночевать* (темпоратив):

англ. *to hammer, to nail, to paper*. Перевод семантической роли, выполняемой мотивирующим словом в исходном предложении, на уровень компонента семантической структуры производного называется минизацией семантической роли [20]. Асимметрия формальной и семантической мотиваций у отыменных глаголов с инкорпорированными семантическими компонентами ролевой природы состоит в формальной невыраженности подразумеваемых предикатов, например, англ.: *to hammer* «strike or beat with a hammer; to nail» «fasten with a nail». Если у отыменных производных семантическое «домысливание» предиката сопровождается минизацией его семантической роли, то у глагольных производных явное выражение предиката в их словообразовательной структуре может сопровождаться лексикализацией семантической роли (ср. «лексикализацию валентности» [21, 22]): англ. *payee* «one to whom smth. (money) is paid» (объект). Лексикализация семантической роли не обязательно предполагает эксплицитное выражение предиката. Формальная невыраженность предиката, а следовательно, и асимметрия формальной и семантической мотиваций свойственна производным, которые непосредственно мотивируются существительным, занимающим в исходном суждении актантные или сирконстантные позиции, например: англ. *Y is bequeathed a legacy to* → *Y is a legatee*.

Для описания номинативной сущности целого ряда производных учет семантики и синтаксических связей непосредственно мотивирующего их слова во включающем его суждении оказывается недостаточным. Установление семантики целого ряда таких, например, производных, как английские имена лица разных словообразовательных моделей, в том числе и образованные с помощью суффикса *-ee*, требует выхода за пределы суждения, включающего мотивирующее слово, и, следовательно, расширения понятия мотивации. При широком понимании мотивации во внимание принимаются не только закономерности лексической и синтаксической сочетаемости мотивирующего слова в исходном суждении, но также и развиваемые им отношения импликации, выходящие за пределы непосредственно включающего его суждения, в связи с чем есть основания выделять элементарную и комплексную мотивацию соответственно.

Комплексная мотивация свойственна производным, адекватное описание семантики которых оказывается возможным при обращении не к одному исходному суждению, как это имеет место у производных с простой мотивацией, а к двум и более высказываниям, связанным между собой отношениями импликации. Например, особенность употребления глаголов-конверсивов [англ. *buy (purchase)* и *sell (vend)*], основывающегося на принципе взаимной двунаправленной и обязательной импликации, имеет самое непосредственное отношение к особенностям семантики их производных, в данном случае существительного *vendee*. Если акт купли предполагает акт продажи (именно поэтому данная ситуация описывается одновременно двумя глаголами), то каждый из участников акта выполняет как бы усложненную роль: человек, которому что-то продают, является одновременно покупателем и, наоборот, человек, который продает что-то, является тем, у кого покупают. Двунаправленность и взаимность связей глаголов-конверсивов переходит к их производным — актантным именам: англ. *sell / vend* $\supseteq$ *buy/purchase* → *vendee* $\supseteq$ *buyer*.

Следствием взаимной, одновременной и обязательной импликации, свойственной глаголам-конверсивам, для семантики мотивированных ими имен лица является совмещенность конъюнктивно организованных сем актива и пассива, имеющих общую точку соприкосновения — *buyer* и *vendee* называют получателей. Первый, однако, является получателем, будучи

субъектом, а второй — контрагентом. На этом основании можно дополнить дефиницию производного, включив в нее компонент, имплицитруемый существительным — вторым членом конверсивной пары: англ. *buyer* «a person who buys, vendee»; *vendee* «a person to whom smth. is sold, buyer». Совмещение залоговых сем актива и пассива у производных не означает, однако, их абсолютной тождественности как единиц номинации. Если представить значение слов как некоторое множество его компонентов, то существующие между ними связи можно описать в терминах оппозиций³. Производные типа англ. *vendee* — *buyer* образуют эквиолентную оппозицию, поскольку ни одно из них не включает другое. Сама форма и лексическая семантика этих существительных как знаков языковой номинации указывает на то, что в первом случае в основе означивания — ориентация на акт продажи, во втором — купли. В словообразовательной структуре каждого из дериватов эксплицитное выражение получает одно из залоговых значений: пассивное у *vendee* и активное у *buyer*; противоположное залоговое значение присутствует в семантической структуре обоих производных в виде имплицитной семы.

Аналогичным способом может быть представлена семантика других производных существительных, мотивированных глаголами-конверсивами и также связанных поэтому отношениями взаимной, двунаправленной, одновременной и обязательной импликации, например: англ. *loanee* $\supseteq$ *borrower*, *debtee* $\supseteq$ *creditor*. Из двух конъюнктивно связанных залоговых сем у первого производного эксплицитной является пассивная сема (*loanee* «one to whom a loan has been granted, a borrower»), у второго — активная сема (*borrower* «one who borrows, a loanee»). Ср. также *debtee* «one to whom a debt is due» и *creditor* «one who gives credit for money or goods; one to whom a debt is owing», которые описывают одно и то же лицо, одного из участников ситуации «дать в долг — взять в долг». В расчлененной структуре деривата *debtee* фиксируется указание на объектную роль, выполняемую мотивирующим его существительным в одном из исходных суждений, в то время как субъектное значение производного, восходящее к другому суждению, не получает непосредственного выражения в формальной структуре деривата и переходит на уровень импликации. Словообразовательная структура его русского эквивалента *заимодавец*, *кредитор* ориентирована на активную роль называемого именем лица, что в определенной степени объясняется ограниченными возможностями русского языка в создании имен лица — объекта действия.

В семантической структуре каждого из производных глаголов-конверсивов находит отражение, следовательно, указание на их роль в обоих суждениях, предикат которых выражен мотивирующими глаголами. Производные глаголов-конверсивов представляют собой лексикализацию валентности не одного глагола, как это свойственно другим актантным существительным, а лексикализацию одной из валентностей обоих глаголов (контрагента и субъекта, субъекта и контрагента). Варьирование значения таких производных по залоговых выходит, следовательно, за рамки словообразовательного значения, обычно приписываемого существительным на *-ee* — «one who is -ed». Свойственная производным конверсивных глаголов обязательная, одновременная и взаимная импликация подсказывает необходимость их включения в словарях тезаурусного типа в одну тематическую группу (см., однако [24, 25]).

³ О применении оппозиционного анализа к анализу значений слов, рассматриваемых как самостоятельные рубрики в статье толкового словаря, см. [23].

Предикаты, к которым восходят производные рассматриваемого типа, могут быть связаны между собой не только дву-, но и однонаправленными имплицативными отношениями, или отношениями следования (entailment). Импликация, формализующие эти отношения, называются импликациями следования (слабыми импликациями) [26]. Существенным в данном случае является характер импликации, ее обязательность (строгость)/необязательность (нестрогость). Отношения нестрогой импликации, связывающие непосредственно мотивирующее предложение (предложение основания) и вытекающее из него (выводное) предложение, не являются значимыми для семантики производного. Так, англ. *X addressed Y to Z* может только предполагать или ослабленно имплицировать, но не просто имплицировать предложения (A) *Z answered Y* или (B) *Z didn't answer Y*. «Нестрогость» импликации вытекает из дизъюнкции имплицировуемых предложений: $A \vee B$. Поэтому для правильного толкования производного *addressee* достаточно обратиться к единственному (собственно исходному) предложению *X addressed Y to Z* или *Z was addressed Y (to)* [ср.: *addressee* «the person to whom mail is addressed»; *advertisee* «one advertised for, one to whom an advertisement is addressed, who is expected to respond to it (but may or may not respond to it)»]. Эта особенность свойственна также производным *indictée*, *accusee* и т. п. Следствием нестрогости импликации у предложений, мотивирующих указанные производные (т. е. импликации не одного, а двух дизъюнктивно организованных предложений), является то, что эти существительные сохраняют в своей семантике единственное залоговое значение — значение пассива, — которое свойственно непосредственно мотивирующему суждению. Отражение значения активного залога глаголов-сказуемых нестрогой имплицировуемых дизъюнктивно организованных предложений сводится у производных к нулю. Именно поэтому можно утверждать, что у таких производных мотивирующим является единственное суждение, в котором функционирует слово, являющееся исходным для производного.

Элементарной мотивации противостоит усложненная, или комплексная, мотивация, в основе которой лежит обязательность имплицативных связей исходных предложений, являющихся «равноправными» (как, например, у производных, восходящих к конверсивам) или представленных предложениями-основаниями и выводными предложениями. Предложение-основание и выводное предложение (или предложения) могут быть связаны отношениями обязательной, или строгой, импликации, при которой каждая последующая единица семантически выводится из предыдущей: $A \supset B \supset C$. Производное, формально мотивированное глаголом-сказуемым одного из таких предложений, выявляет семантическую связанность со всеми другими предложениями. Например, семантика производного *employee* восходит фактически не к одному (англ. *X employs Y/Y is employed by X*), а к нескольким предложениям. Номинализация, в результате которой происходит преобразование предиката предложения *Y is employed by X*, фиксирует не только связи предиката внутри данного высказывания, но и связи, выходящие за его пределы, т. е. «внешние» связи. Из того, что (A) *Y is employed (by X)*, следует, что (B) *Y works (for X)*, (C) *Y receives wages (salary)*. Комплексная мотивированность производного может быть представлена следующим образом: $X \text{ employs } Y / Y \text{ is employed (by X)} \supset Y \text{ works (for X)} \supset Y \text{ receives wages} \rightarrow Y \text{ is an employee}$. Имплицативные отношения, связывающие эти предложения, являются обязательными, однонаправленными и не одновременными, как у конверсивов, а упорядоченными во временной последовательности. Выводные предложения, следующие

щие за основными, не исключают друг друга (ср. предложения, выводимые из *X addressed Y to Z*). Таким образом, связанными оказываются предложения, грамматические субъекты которых, совпадающие по референтной соотнесенности, представлены пациенсом и агенсом соответственно.

Понятие семантического следования применимо к описанию предложений, мотивирующих такие производные, как, например, англ. *bailee, licensee, assignee, trustee, petitionee, referee, appellee* и др. В качестве идентифицирующих их предложений выступают непосредственно мотивирующие суждения, включающие компонент, с которым существительное связано отношениями формальной производности (иногда представленной опосредованно), а также предложения (или их номинализации), связанные с первыми отношениями семантического следования, например: «*assignee*» «one appointed (assigned) to act for another; *referee* a person to whom smth. is referred for decision or settlement». Односторонненность отношений семантического следования, связывающих мотивирующие конструкции производных, свидетельствует о существовании между ними причинно-следственной связи: составляющие мотивирующей части таких производных могут быть соединены каузативной связкой: англ. *one acts (will act) for another / because / he is appointed (appointee); one decides, settles (smth.) / because / he is referred to (referee)*. Причинно-следственные отношения могут быть синонимичными с отношениями каузации [27]. Отношения каузации в приведенных выше группах мотивирующих предложений носят опосредованный характер: выполнять то или иное действие называемое производным именем лицо обязано «по должности».

Отношения причинно-следственной связи выявляются также и у суждений, мотивирующих производные *legatee, licensee, allottee, covenantee, patentee* и др., у которых роль формальной мотивации выполняет субстантивная основа. Синкретизм семантики этих производных состоит в совмещении у них значений лица — объекта действия и субъекта обладания. Состояние обладания является каузированным извне. Роль каузативной связки берет на себя английский глагол *give*, вместо которого в каждом конкретном случае употребляется необходимый синонимичный глагол, например: *patentee* «a person to whom a patent is issued (is given), one who holds a patent»; *licensee* «a person to whom license is granted (is given), one who holds a license». Значение глагола *give* можно описать с помощью глаголов *make* и *have* (*give smb. smth. = make smb. have smth.*). Следует напомнить, что к способам выражения отношений каузации Ш. Балли относил каузативные связки *faire avoir* «снабжать» (букв. «заставить иметь») и *faire être à* «отдавать» (букв. «заставить быть у»), замечая при этом, что *faire être à* можно заменить глаголом *donner* «давать» [28]. Таким образом, конструкции, мотивирующие производные типа *licensee* («one is given a license / X gives one a license, one holds a license»), соотносятся как каузативная конструкция и некаузативный вариант каузативной конструкции. Отношения между компонентами предложения следования (субъектом и предикатом) правомерно рассматривать как опосредованные, поскольку они возникают благодаря каузативной связке: *X has Z / because / X was given Z*.

Производные, формирование семантической структуры которых происходит с опорой на связи семантического следования, также характеризуются осложнением их семантической структуры. Если в предложении основания такие производные представляют объектную валентность предиката, то в последующем (выводном) предложении они представляют субъектную валентность предиката, связанного с первым обязательными отношениями

семантического следования. Например: англ. *Y is referred to* $\supset$ *Y decides and settles* $\rightarrow$ *Y is a referee*; *Y is appointed (trusted)* $\supset$ *Y administers the affairs of a company (institution)* $\rightarrow$ *Y is a trustee*; *Y is given a license* $\supset$ *Y has a license (to sell alcoholic liquor)* $\rightarrow$ *Y is a licensee*. Обязательность перевода паиенса исходного предложения (предложения основания) в ранг субъекта выводного предложения обуславливает сохранение в семантической структуре производных обеих залоговых сем — пассива и актива, присутствующих в ней в виде конъюнктивно организованных сем. Именно поэтому *employee* называет лицо, являющееся также «worker» и «wage earner»; *trustee* — «guardian», *referee* — «arbitrator, umpire» и т. д. Каждое из таких толкуемых существительных образует с существительными, с помощью которых оно толкуется, привативную оппозицию. Оппозиции *employee* (A) — *worker (wage earner)* (B), *referee* (A) — *arbitrator (umpire)* (B) привативны в пользу определяемых слов (*employee, referee*), между теми и другими (A—B) складываются родо-видовые отношения. Производное может выступать как гипероним общего значения, например, в общенародном языке, и реализовать терминологическое значение (проявляясь как гипоним) в отдельных подъязыках. Интерес в этом плане представляет существительное *employee*. Комплексный характер мотивации производного, в результате которого его значение осложнилось семами активного лица («one who works and receives wages») и прошло стадию конкретизации и терминологизации, является основой гиперо-гипонимических связей с существительными — названиями конкретных занятий и профессий человека, с которыми оно связано родо-видовыми отношениями. Существительное *employee*, являясь гиперонимом и, следовательно, доминантой гипонимического поля слов со значением профессий, присутствует в значении каждого слова в качестве семантического инварианта, а само, как и свойственно доминанте, не входит в поле как равноправный элемент; ср.: *employee, worker, clerk, agent, office worker, white-collar worker, workman, workingman, secretary, salesman, assistant, attendant, operator, servant, typist, stenographer, executive, craftsman, provider, breadwinner* и т. д. [24, 25]. В номинации данного производного, в его формальной структуре, в частности, находит отражение обобщенное значение «занятости» («быть занятым»), значение субъекта (дающего работу) выходит за пределы номинативного значения слова в сферу его синтагматических связей. Семантический субъект, получающий выражение через связь производного с другими словами в синтагматической цепи, косвенным образом указывает на характер работы называемого лица, его социальный статус, например: *the bank's employee, the mill's employee, mill-town store and factory employee(s), United Nations employee(s)*.

Нетрудно заметить, что отношениями семантического следования связаны только такие предложения, представляющие собой комплексный источник мотивации для производных на *-ee*, которые указывают на постоянное занятие лица, его профессию или занятие определенной продолжительности. Это относится к существительным *trustee, referee, employee*, а также к производным *prisoner, convict, exile* и т. д. Основная роль в их конструировании как знаков языковой номинации принадлежит предложениям следования.

Особенность комплексного характера семантики некоторых производных состоит в вариативности свойственных им значений предшествования и следования, отражающей лексико-семантическое варьирование существительных: одно и то же предложение из группы мотивирующих предложений может выступать в качестве предложения-основания и предложения-

следования, как, например, у существительного *prisoner*: 1) *a person kept in prison for some crime* = *X has been found guilty of a crime* $\supset$ *X is kept in prison*; 2) *a person kept in prison while waiting to be tried* = *X is kept in prison* $\supset$ *X will be tried*.

Большинство рассматриваемых производных с комплексной мотивацией являются лексикализацией объектной (субъектной) валентности формально мотивирующего глагола и субъектной (объектной) валентности выводного глагола (или глаголов). Отсюда — возможность разграничения непресуппозиционного и пресуппозиционного компонентов содержания в их семантической структуре⁴. Явное (эксплицитное) выражение пресуппозиционного содержания делает предложение, как известно, неотмеченным. Неотмеченными будут и предложения, в которых функционируют производные с пресуппозиционными компонентами, получающими эксплицитное выражение. Ср.: 1)...he enforced them within his family and among the employees at River Valley Farm (T. Capote. In cold blood) $\rightarrow$...*within his family and among the employees who work and receive wages at River Valley Farm; 2) I myself have seen these foundlings in their nest displaying a strange ferocity of nature (Oxford English dictionary) $\rightarrow$ *I myself have seen these foundlings who had been abandoned (deserted) by their parents in their nest displaying a strange ferocity of nature.

Проведенный анализ позволяет определить характер семантических различий производных, образующих общую тематическую группу, например: *accused*, *defendant*, *respondent*, *litigant*, *prisoner*, *libellee* [24]. Семантически наиболее элементарным является существительное *accused* «a person charged with a crime»; это значение включается в семантику следующего слова в качестве его пресуппозиции: *defendant* «one is defended (defends himself) because he is accused» (ср.: **The defendant wasn't accused of anything*). Аналогичный пресуппозиционный компонент находим также и у существительных *respondent*, *litigant* «one has to answer because he is charged (with...)». Производному *prisoner*, как было показано выше, также свойственны подобные, но варьирующиеся в порядке следования или предшествования пресуппозиционные компоненты. Не является исключением и производное *libellee*, ср. его русский эквивалент «ответчик; обвиняемый» (в церковном или мирском суде): *one has to answer because he is charged (with...)*. Слово, возглавляющее тематическую группу, связано со словами, входящими в нее, гиперо-гипонимическими отношениями. Компонент значения ведущего слова имеет в семантической структуре слов-гипонимов статус пресуппозиции. Особенность комплексной мотивации, опирающейся на отношения семантического следования, состоит в неполном совпадении ее формальной и семантической частей. Если формально мотивирующим является глагол — предикат одного предложения (в большинстве случаев предложения-основания), то семантически мотивирующими являются предикаты как предложения-основания, так и предложения-вывода (следования). Поэтому «one who is -ed» как обобщенный способ представления семантики производных на -ee не может считаться адекватным отражением семантики всех существительных этой словообразовательной модели. Пресуппозиционные компоненты семантики таких производных фиксируют-

⁴ Понятие пресуппозиции, понимаемое как определенное логическое условие, выполнение или соблюдение которого необходимо в предложении для установления между ним и другим предложением отношений следования, обычно используется для описания семантики предложений [29, 30]. Проведенное исследование показывает, однако, что пресуппозиционные отношения обнаруживаются также в семантике производных с комплексной мотивацией.

ся в памяти параллельно с непресуппозиционными, передаваемыми непосредственно их словообразовательной структурой⁵.

Существительные с комплексной мотивацией, компоненты которой организованы по принципу семантического следования, характеризуют называемое ими лицо как по непосредственно или опосредованно выраженному действию, обозначенному, например, в исходной основе производного, так и по действию, выполняемому лицом временно или постоянно. Имеющая место терминологизация значений таких производных основывается на второй части их комплексной мотивации. Например: *assignee* «one appointed to act for another»; *trustee* «a person appointed to administer the affairs of a company»; *referee* «a person to whom smth. is referred for decision or settlement»; *bailee* «a person to whom goods are delivered to be held for some purpose, as for surety of a contract»⁶.

Особенностью производных с комплексной мотивацией, как уже отмечалось, является несовпадение границ их формальной и семантической мотивации. Если основное предложение является определяющим для установления формальной структуры большинства производных, то решающая роль в определении их номинативной сущности принадлежит предложению (предложениям) следования. Эта черта производных выступает отчетливо в их русских эквивалентах, ориентированных главным образом на предикаты следования, например: *employee* «рабочий», «служащий» (ср. «работающий по найму», где имеет место отражение значений основного и выводного предикатов одновременно); *rahnnee* «залогодержатель»; *bailee* «ответственный хранитель имущества», «депозитарий»; *appellee* «ответчик по апелляции»; *assignee* «представитель», «правопреемник»; *trustee* «попечитель, опекун»; *referee* «судья, рефери»; *trainee* «стажер»; *goalee* «вратарь».

Таким образом, осознание комплексности организации семантической структуры производных, сопряженности образующих ее семантических компонентов как обусловленной разными типами мотивации позволяет полнее представить их номинативную сущность. Расширенное понимание мотивации, ориентирующееся не только на собственно мотивирующее слово, но и развиваемые им связи во включающем его суждении и за его пределами обладает значительной объяснительной силой и может обеспечить описание значения производного слова (т. е. его отношения к обозначаемому им предмету), смысла производного (т. е. его внутренней формы), вскрыть всю заключенную в производном информацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Философские тетради // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 74.
2. Сафарова К. А. Двойственная природа словообразовательной мотивировки слова в английском языке // Вопросы романо-германской филологии. Ташкент. 1967.
3. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., 1976.
4. Комина Е. В. Мотивация как лингвистическое явление // Семантика и структура слова. Калинин, 1984.
5. Иванова Т. Ф. К вопросу о семантической мотивации производных слов // Языковая практика и теория языка. Вып. 1. М., 1974.
6. Потеева А. А. Из записок по русской грамматике. 3-е изд. М., 1958.

⁵ Это же свойственно и особенностям сохранения в памяти предложенческой информации: различие между информацией, заключенной в значении предложения и его пресуппозиции, является, как отмечает Г. Г. Почецов, несущественным для носителей языка [31].

⁶ Приводимые в статье толкования производных даются по словарям [32—35].

7. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.
8. Кубрякова Е. С. Словообразование // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972. С. 372.
9. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 6—7.
10. Улужанов И. С. Словообразовательная мотивация и ее виды // ИАН СЛЯ. 1971. № 1.
11. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. С. 133.
12. Азнаурова Э. С. Принципы анализа стилистически маркированных производных слов // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. 1980. Вып. 164.
13. Новиков Л. А. Некоторые виды словообразовательной семантики // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982.
14. Земская Е. А. Заметки по современному русскому словообразованию // ВЯ. 1965. № 3.
15. Ермакова О. П. Расхождение формальной и семантической производности // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982.
16. Шишов А. И. Словообразовательная цепь и явление полимотивированности // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982.
17. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981. С. 82.
18. Медведева Л. М. Части речи и залог. Киев, 1983.
19. Ревзин И. И. Трансформационное исследование конструкций с субъектным и объектным приименным дополнением (Genitivus Subjectivus и Genitivus Objectivus) // Проблемы семантического моделирования. М., 1973. С. 93, 95.
20. Почепцов Г. Г. Минизация семантических ролей (об одном аспекте взаимодействия словообразования и синтаксиса) // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. 1980. Вып. 164.
21. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. С. 131.
22. Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978. С. 147.
23. Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // ФН. 1972. № 1.
24. The New Roget's thesaurus in dictionary form. New York — Tokyo, 1964.
25. Laird Ch. Webster's new world thesaurus. N. Y., 1974.
26. Карри Х. Основания математической логики. М., 1967. С. 389.
27. Недалков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969. С. 10.
28. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 124—125.
29. Keenan E. Two kinds of presuppositions in natural language // Studies in linguistic semantics. N. Y., 1971. P. 45.
30. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977. С. 137.
31. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981. С. 262.
32. The compact edition of the Oxford English dictionary. V. 1—2. Oxford, 1980.
33. The Oxford English dictionary. Supplement. Oxford, 1976.
34. The Random iHouse dictionary of the English language. New Delhi, 1980.
35. Webster's Th rd New International dictionary of the English language. V. 1—2. Springfield (Mass.), 1961.